

Передо мной лежит целая книга семейной хроники, написанная моим старшим братом Ефимом. Он ее начал писать задолго до распада СССР, когда многие семейные вопросы (семейные тайны) нельзя было разглашать без угрозы для жизни близких людей. Живя в Москве, и часто встречаясь с близкими людьми, Иосифом, Фаней, Левой, Лизой, Симой, у него собрался большой материал о нашей семье. Но дописать хронику он не успел.

Фима был крепкий и здоровый человек, ни в детстве, ни взрослым он никакими болезнями не болел. Только в возрасте 60-70 лет у него начало шалить сердце, и толчок к этому дал отъезд детей за границу.

С начала 30-х годов в нашей семье нас было трое: Сима, Фима и я (Борис). Все старшие от первых браков отца, уже с нами не жили.

В настоящее время (2006 г.) из всей нашей семьи, в живых остался я один. В силу моих воспоминаний, которые не освещены Фимой в семейной хронике, хочу ее дополнить.

Отец, рождения 1870 г, умер в 1934 г.

Мама, рождения 1884 г., умерла в 1967 г.

Отец был женат 3 раза. Наша мама была третьей женой.

От первой жены отца было 5 детей: Фаня, Мотул, Шнеер, Шлема, Сарра.

От второй жены – двое детей: Лиза и Лева.

От третьей жены - это наша мама – было трое детей: Сима, Фима (Хаим) 1921 г. рождения, Борис (Бер) 1925 г. рождения.

Мое рождение было нежелательным, но все же я родился когда маме было 41 год. И нежелательная беременность отразилась и на моем здоровье.

Все старшие дети отца, Фаня, Сара, Лева, Лиза, Иосиф жили в Москве. Мотул погиб на фронте во время Первой мировой войны. Шнеер и Шлема в период 1920-1924 г.г. уехали в Израиль.

Об укладе нашей жизни и о городе Гомеле, подробно написал Ефим, некоторые моменты, которые я хорошо помню и знаю – хочу дополнить.

Так как я был младшим, то когда мама стала работать в Тереховке в 1928 г., я постоянно был с мамой до поступления в школу в 1932 г. Все каникулы мы, дети, жили в Тереховке, потом в Носовичах. Отец болел, но был на ногах и делал все хозяйские дела. В 1932 г. в Гомель приехала сестра Фаня с маленькой дочкой Майей. Погостила, посмотрела на состояние отца, и уехала. В то время еще можно было держать связь с границей. Поэтому Шнеер и Шлема постоянно помогали посылками, в которых находились кошерные продукты. Посылки почему-то шли из Англии. Как я потом узнал, это Шнеер и Шлема через знакомых в Англии, осуществляли пересылку посылок. В 1933 году, летом, приехали в гости Лева с Женой Валею и сыном Вадиком. Погостили, посмотрели. Но чем они могли помочь? Это было прощание с отцом, который уже почти не мог ходить. В период 1932-1934 г.г. был сильный голод. В этот период нас сильно поддерживала помощь Шнеера и Шлемы.

В 1934 г. старую школу закрыли. Там были классы: еврейские, польские, украинские. Всех, кто хотел, перевели в русскую школу по крестьянской улице, о ней и преподавателях, подробно описал Фима. В этой школе учился и я.

В голодные годы в школе давали горячие обеды, это очень поддерживало многих учеников.

В 1933-1934 г.г. болезнь отца сильно прогрессировала. Мама рассчиталась в Носовичах и переехала домой, в город. В конце августа 1934 г. отец умер. После смерти отца, я заболел, долго не могли установить диагноз, предполагалась дифтерия. Я болел почти 4 месяца. Меня выходила мама, она делала всевозможные процедуры, и всегда, как я только открою глаза, возле меня была мама. В школе я пропустил год и остался на второй учебный год.

1934-1935 г.г., в материальном отношении было очень тяжело. Я помню, как мама постепенно отнесла в торгсин, столовое серебро (пасхальное) – вилки, ложки, ножи, рюмки. Туда же ушел медальон, обручальное кольцо, сережки. Это была валюта, на которую мама покупала продукты питания. Я почти всегда ходил с мамой. Мама устро-

илась работать в медпункт мебельной фабрики. Сима поступила учиться в медицинский техникум. Жить было тяжело. После смерти отца связь с Шнеером и Шлемой была, по многим причинам, прервана. Понемногу, но регулярно помогал Иосиф (сын моей мамы от 1 брака), который часто приезжал в Гомель со своей женой Сарой Кацнельсон. Ее мать и две сестры тоже. Жили в Гомеле. В пригороде Гомеля в Ново-Белицах жила папина сестра Сарра с мужем Рохленко и тремя дочерьми нашего возраста: Фаня, Фира и Соня. Недалеко от них был сосновый лес и река Сож. Мы, дети, часто у них отдыхали. В 1936 году они выехали в Москву на постоянное место жительства. Их отец Рохленко работал с отцом Рыбакова (Аронов Наум).

В 1936 г. Фима уехал учиться в Ленинград, мама работала, Сима училась, и как у всех девушек 17-и лет, у нее были свои увлечения. А я был сам на хозяйстве, и в силу своего умения делал все домашние дела, убирал, покупал, готовил, и к приходу мамы и Симы в доме был порядок и готов обед.

У меня был товарищ, Женя Карпович. Мы с ним лазили по чужим садам и огородам за городом, в поле. В то время периодически были перебои с хлебом, очереди. Потом хлеб развозили по дворам в мешочках, подписанных по фамилиям, на количество членов семьи.

Недалеко от Гомеля, в местечке Подобрянка, жил Шлема, сын папиного брата Якера. Его сын, мой одноклассник, (тоже Боря) часто приезжал ко мне в гости. Я также ездил к ним в гости, но мне там не нравилось, т.к. Борина мама была очень скупая и жадная, хотя они жили богато. Шлема заведовал магазином. Забегу вперед, Шлема с семьей не эвакуировались в начале войны, и немцы всю их семью расстреляли.

Часто к нам приезжали родственники из Щорска (Сновск). Они были старше меня, и у меня с ними не было контакта, Это были Рита Поз и ее брат Зяма. Часто приезжал из Щорска, при жизни отца, муж папиной сестры Хаи-Сари Шмул-Лейб Эткин с отцом. Они всегда спорили и разговаривали на религиозные темы на иврите. У отца была своя Тора, которая хранилась в специальном шкафчике. Рядом был буфет, в котором хранилась пасхальная посуда, очень красивая, и по всей вероятности, очень дорогая.

Когда умер отец, Шмул-Лейб долго читал молитвы на похоронах и после, уже дома на Торе. После смерти отца пришли люди из синагоги и попросили отдать или продать Тору в синагогу. Мама ее отдала так, хотя она имела большую ценность.

В нашем дворе жила семья Юдашкиных. Глава семьи, дядя Володя, был хорошим сапожником, специалистом высшей категории. Его жена, тетя Рая, очень хорошая и добрая женщина. Их дети были почти нашими ровесниками, Леля, Иося, Роза, Боря. С ними мы дружили с самого детства. Перед войной у них родилась еще девочка Белла. С ними мы поддерживали связь и после войны. Изредка встречались. С распадом Союза связь распалась. Они жили в Белоруссии, я на Украине, мой брат Фима и сестра Сима жили в Москве.

В 1939 году Фиму призвали в армию на действительную службу. Проводы были напряженными, т.к. в мире было неспокойно. Мама сильно переживала. В 1941 г., в январе мне исполнилось 16 лет, и я получил паспорт. В июне окончил 7 классов школы и стал вопрос, что делать дальше – идти в 8-й класс или в техникум. Видел, что маме тяжело содержать нас, и подал документы в техническое училище. Но началась война, и очень скоро началась эвакуация. Симу призвали в армию, но она успела маму и меня посадить в эшелон, который отправлялся на восток. Мы почти ничего не успели взять с собой, надеялись, что скоро вернемся обратно в Гомель.

Доехали до станции Новый Оскол, Курской области, и многие решили остаться, мы тоже решили дальше не ехать. Нас поселили в красном уголке маслобойного завода. Многие поехали в колхозы. Завод старый, обслуживающего персонала было мало, большая часть ушла в армию. Нас, эвакуированных, просили помочь в работе завода, если кто может. Я немного разбирался в электричестве, запустил в работу электродвигатель, и меня сразу оформили на работу электриком. С этого времени и начался мой трудовой стаж.

В Новом Осколе, все кто мог, были в Народном ополчении, дежурили по ночам. Искали диверсантов, грузили и разгружали вагоны. Но, в связи с приближением фрон-

та, мы эвакуировались на восток. Здесь нас нашла Сима, их госпиталь расформировался. Мы решили ехать в г. Чкалов, т.к. знали, что там находится Лиза, которая могла нам помочь узнать о родных.

По дороге нас несколько раз бомбили, но эшелон остался цел.

В конце сентября мы добрались до г. Чкалова. С большим трудом нашли жилье – это было небольшое подвальное помещение одноэтажного дома, почти без дневного света, сырое, холодное. Сима стала работать в госпитале, я устроился работать на швейную фабрику, которая шила обмундирование для армии. Сначала меня послали работать кочегаром, а потом перевели работать электриком. Время было тяжелое, холодно, теплых вещей не было. На работе кое-что дали, как спецодежду, помогла Лиза и ее местные знакомые.

Перед войной Иосифа призвали в армию на переподготовку, он был лейтенантом запаса, артиллерист, и мы знали его адрес и поддерживали с переписку.

Иосиф свой денежный аттестат разделил пополам, жене и маме. Фима, когда его утвердили в офицерской должности, свой денежный аттестат также перечислил маме.

В январе 1943 г. мне исполнилось 18 лет. Меня призвали в армию, образование 7 классов, и меня направили в ленинградское радиотехническое училище, которое находилось в г. Уральске. Курс подготовки вместо двух лет был шесть месяцев. Еще находясь в карантине училища я заболел сыпным тифом. Лечился в тифозной больнице г. Уральска. Долго был без сознания, находясь на грани жизни и смерти. Как мне потом говорила палатная сестра, не думали, что я выживу. Т.к. я был на балансе училища, мне приносили из училища питание, из которого мне мало что доставалось, т.к. вокруг было много очень голодных людей. В апреле меня выписали из больницы и выдали справку на 24 дня отпуска. Я пошел в училище, шел очень долго – не было сил, еле добрался. О продолжении учебы не могло быть и речи, и меня на эти 24 дня положили в медсанчасть училища. Мне прописали усиленное питание, но и этого мне было мало, я поедал и то, что другие больные не хотели есть.

После выписки из санчасти, из училища меня отчислили, и направили в запасной полк, который формировался возле г. Чкалова.

После тифа восстановить полностью физическую силу я не смог, т.к. питание по 4-ой категории было очень плохое, а физическая нагрузка очень большая – военная подготовка солдат.

В полку было много эвакуированной и местной молодежи, между которой было большое различие в физическом и моральном отношении. Все были нетерпеливые и неудовлетворенные. Все хотели быстрой отправки на фронт.

Очень приятным и радостным для меня был приезд в запасной полк Фимы и Симы. На Фиму все пялили глаза: офицер, фронтовик с двумя орденами идет по лагерю. Меня вызвали с полевых учений. Я с ними пробыл несколько часов, говорили обо всех родных, близких, о состоянии на данный момент. Распрощались, не зная, увидимся ли еще когда-нибудь.

В июле нас обмундировали. Обмундирование было новое, красивое, английское, поговаривали, что нас отправят в Иран.

За все время военной подготовки, на практических занятиях, нам не давали использовать боевые средства, практиковаться. В запасном полку в это время еще не было бывших фронтовиков. После обмундирования, нас срочно погрузили в эшелон, выдали сухой паек на три дня, и мы двинулись на запад.

По дороге на фронт, нас почти не кормили. Сухой паек, что был нам выдан на три дня, был съеден в один день. В дороге были 12 дней. Голодные солдаты стали менять и продавать свое новое обмундирование.

Торговки на станциях при виде эшелона разбегались, так как часто солдаты отбирали у них их товар.

Наш эшелон стали останавливать далеко от железнодорожных станций. Об этой дороге и сейчас тяжело вспоминать. Нас высадили из вагонов, не доезжая, станции Дергачи. Встретил нас офицер воинской части, куда мы направлялись, и строем по полю повел в часть. По дороге нас встретила полевая кухня. Сделали привал и начали

прием пищи, но наше командование не учло, что мы были сильно изголодавшиеся, и после приема обильной, жирной пищи, у всех разболелись животы и начались поносы. Двигаться дальше мы не могли и остались ночевать на этом месте.

Так я очутился в первом мотострелковом полку РГК (резерв главного командования). Мотоциклы были американского производства, типа Харлей, с коляской. В коляске пулеметчик с ручным пулеметом, на заднем сидении, сзади водителя, сидел автоматчик. Полк делал рейды по Харьковской, Полтавской, Днепропетровской областях.

В конце 1943 г. мы прорвались к г. Кривой Рог Днепропетровской области. Но общее наступление не получилось, наши части отступили. Полк попал под сильную бомбежку, его разбросало, большая часть мотоциклов и людей вышло из строя. После остановки отступления, части смешались, я оказался в другой части, 290 стрелковом полку 95 строевой дивизии.

В январе 1944 г. полк держал оборону в Кировоградской области возле села Суботино. В нашем батальоне и роте осталось очень мало людей. 14 февраля пошел сильный снег, который шел не переставая. Нас должны были сменить. 17 февраля рота делала разведку боем. В этом бою я был ранен в левую ногу. Было много обмороженных, т.к. от мокрого снега все сильно промокли.

Всех раненных и обмороженных отправили в госпиталь г. Кировограда. Через некоторое время всех тяжело раненных санитарным поездом отправили в тыл. и нас выгрузили в г. Баку, где я лечился несколько месяцев.

Когда рана стала заживать, меня отправили в батальон выздоравливающих, который находился в г. Гори. Через некоторое время перевели в запасной полк в городе Хашура (Кавказ).

Справки о ранении до самого последнего момента выписки, на руки не выдавали, т.к. после тяжелого ранения положен был отпуск. Но его не давали. Были случаи дезертирства. Если в справке были какие-либо неточности, то их исправлять уже не было некогда. Так и у меня вместо отчества Ильич стояло Юрьевич.

Из запасного полка в г. Хашура меня выписали 31 мая 1944 г., и всех выписавшихся направили эшелонами на фронт. Выгрузили нас в районе города Ковель. Нас, вновь прибывших, определили в 216 полк, какой дивизии даже не помню, т.к. началось наступление. Меня сильно оглушило и взрывной волной отбросило, легко контузило, и при этом ранение на ноге вновь открылось. Снова очутился в госпитале. Диагноз ранения – остеомиелит (нагноение кости), Хотя по справке ранение считалось в мягкие ткани. Лечился в нескольких полевых армейских госпиталях. Находясь в госпитале г. Люблин (Польша) ходил в находящийся недалеко немецкий лагерь смерти "Майданек", видел печи, в которых сжигали людей, там еще стоял запах горевших тел, видел траншеи, где штабелями лежали голые люди с пробитыми головами. Трудно представить себе до чего дошли нацисты. Видел трупы, у которых со спины была снята кожа. Видел также эту кожу обработанной.

В конце октября 1944 г. был выписан из госпиталя и отправился в пересыльный пункт, который находился в г. Бресте.

С Иосифом, Фимой и мамой поддерживал связь по почте. Иосиф, будучи в штабе фронта, по номеру госпиталя узнал, что я нахожусь где-то близко от его дивизии. Он откомандировал своего офицера Зайцева с документами, при выписке откомандировать меня в 1-ю зенитно-артиллерийскую дивизию. Зайцев не застав меня в госпитале, нашел меня на пересыльном пункте, и оформив документы, доставил меня в штаб дивизии, который находился в г. Минск - Мозовецкий, возле Варшавы. Встреча была очень радостной и приятной. Через несколько дней меня определили в 303 полк. В дальнейшем мое пребывание в этой части для меня было не особо благоприятным из-за негативного отношения ко мне заместителя командира полка по политчасти Ривлина.

С Иосифом встречались не особенно часто, в основном, когда дивизия стояла в обороне. В этом полку участвовал в освобождении Варшавы, в наступлении и взятии Берлина. День Победы дивизия встретила в Берлине. Там же и отметили день Победы с Иосифом.

Позже дивизия стояла в г. Потсдаме на охране Ставки Верховного командования в Германии.

Вскоре Иосиф демобилизовался, на него был вызов из министерства сельского хозяйства РСФСР. Я продолжал служить. В декабре 1945 г. мне дали отпуск, и я поехал в Днепродзержинск, где жила мама и Сима.

В 1945 г. после окончания войны, мама, Сима и мамин брат Моисей, все жили в селе Голицино Пензенской области. Приехали в Днепрпетровск. Там жить было негде, т.к. их родовой дом во время войны был разрушен. В Гомеле дом так же сгорел. В Днепродзержинске, у дядиных родственников было свободное жилье. Так они обосновались в Днепродзержинске.

Днепродзержинск – небольшой город на берегу Днепра, был крупным промышленным центром, где были Metallургический комбинат, 2-а коксохимических завода, азотно-туковый завод, завод шлаковых удобрений, цементный и много других более мелких предприятий. В дальнейшем, после сооружения каскада плотин на Днепре, была построена Днепродзержинская гидроэлектростанция, мост через Днепр и левобережный микрорайон.

Наша мама была замечательным человеком, добрым, отзывчивым, веселым и неунывающим. Она всегда была готова прийти на помощь, и всегда легко сходилась с людьми.

У нас, ее детей, была детская клятва, которая сохранялась на всю нашу жизнь – "Чтоб я так маму любил" и эта клятва никогда не нарушалась.

Находясь в отпуске, в Днепродзержинске, я дал телеграмму Ефиму, что нахожусь у мамы. Фима смог приехать на 2 недели. Это была большая радость для всех нас. Новый год встретили у мамы. Уезжая в часть, я поехал вместе с Фимой, их воинская часть стояла в г. Ровно. Я познакомился с Аллой, будущей женой Фимы, с ее сестрой Кларой и их тетей. Они мне очень понравились.

Пробыв там неделю, я вернулся в Германию, в свою часть в г. Потсдам. И в скором времени я заболел. Наш полковой врач Кочан Абрам определил какое-то кишечное заболевание и отправил меня в госпиталь, где мне сделали операцию на кишечнике и удалили аппендикс. После госпиталя я прошел медкомиссию, и был уволен в запас. Поехал в Днепродзержинск, где жила мама и Сима.

В Днепродзержинске прошел медкомиссию и был признан инвалидом войны. Но т.к. жизнь в этот период была очень тяжела, в январе 1947 г. пошел работать на металлургический завод им. Дзержинского, где давалась килограммовая карточка хлеба (карточка, по которой можно было получить 1 кг. хлеба). Работал на подстанции дежурным электриком.

В 1951 г. поступил учиться в 8 класс вечерней школы, и в 1952 г. поступил на заочное отделение Днепрпетровского индустриального техникума, который окончил в 1956 г. по специальности "Электрооборудование металлургических предприятий". После окончания техникума перешел работать в прокатный цех. Работал дежурным, бригадиром, мастером дежурных электриков. В 1951 г. женился. Жена Рая, девичья фамилия Болотная. В 1952 г. родился сын Илья. Первые годы совместной жизни жили на съемной квартире. Снимая комнату, в 1956 г. получил отдельную квартиру в новом доме.

На работе занимался общественной работой, избирался в разные советы и комитеты.

В 1957 г. у нас родился второй сын Александр. Мама жила с Симой в отдельной однокомнатной квартире. Пока была жива мама, почти каждый год приезжал Иосиф, реже Фима с Дальнего Востока, приезжали Лева и Лиза. Я, как инвалид войны, имел право на бесплатный проезд по железной дороге и часто ездил в Москву.

Когда Фима обосновался в Москве, одно время мама жила у Фимы, потом снова вернулась в Днепродзержинск. Приезжая в Москву, часто с Ефимом ездил в Переделкино, к двоюродному брату Анатолию Рыбакову. Рыбаков это фамилия матери, по отцу он Аронов. Фамилию матери он взял, когда начал заниматься писательской деятельностью. Всю войну он прошел как Аронов.

Начиная с 1980 г. Фима начал себя плохо чувствовать, но болезни не поддавался, надеясь на свое крепкое здоровье. Ведь с самого детства он никакими болезнями не болел. С этого периода, семейную хронику перестал писать, надеясь на улучшение здоровья. Когда стала возможность, наладилась связь с племянниками, детьми Шле-мы, живущими в Израиле. В 1978 г. в Союзе по туристической путевке из Израиля по-бывал Рувен. В Москве, после окончания поездки, у них была неделя свободного вре-мени. Я тоже в этот период был в Москве. Встретились все родственники у Ефима, знакомились с Рувеном, было тяжело, т.к. русский он почти не знал, а иврит и идиш, кроме Фимы, не знали мы.

В 1980 г. в Канаду на постоянное жительство уехала Фиминая дочь Таня с мужем Левоу Гуцульским. Хорошо устроились, остались довольны, как морально, так и материально. Там у них родилось двое детей – Боря и Катя.

В 1984 г. Фима ездил в гостевую поездку в Израиль. Поездкой остался очень доволен. Познакомился с племянниками и племянницей, которая родилась в Израиле в 1930 г. – Шуль (Суломиф). И их семьями.

В 1982 г. на свадьбе моего младшего сына в Москве, Фима говорил, что со здоровьем у него творится что-то не ладное, но продолжал работать.

В 1988 г. в Канаду на постоянное жительство уехала бывшая жена Ефима и их сын Саша с женой и дочерью.

В 1990 г. в гостевую поездку в Канаду поехал Ефим. Ему очень хотелось повидать детей и внуков. По возвращению в Москву, чувствовал себя очень плохо. Особенно тяжелым было моральное состояние, но Фима продолжал работать, отвлекаясь от ненужных мыслей. Отъезд детей очень плохо подействовал на его здоровье.

Мама умерла 26 октября 1967 г. в возрасте 83-х лет. Сима очень часто болела. В 1970 г. она лежала в Москве в больнице и там познакомилась с хорошим человеком, они немного повстречались и поженились, и она стала Самовская, и переехала жить в Москву. Жили хорошо и дружно. В 1988 г. в марте Сима умерла.

Приезжая каждый год в Москву видел как слабеет дорогой мой брат. Все собирался бросить работу, но никак не решался, говорил, что без работы он не сможет жить.

25 декабря 1993 г. я получил телеграмму, что 24-го декабря Ефим умер. Я вылетел в Москву на похороны. Из Канады приехали сын Саша и дочь Таня. На похоронах было много людей, родственники, однополчане, друзья, знакомые и сотрудники. Так ушел из жизни мой дорогой брат. Память о нем будет жить во мне до конца моей жизни. Похоронен Ефим на Химкинском кладбище в Москве. Дети и бывшая жена Алла поставили хороший памятник, для этого Алла приезжала в Москву.

В 1965 г. состоялась первая встреча ветеранов нашей дивизии в г. Киеве. Приехало много ветеранов, адреса которых смог разыскать созданный совет ветеранов дивизии, председателем которого был избран наш брат Иосиф (Лисняцкий). В дальнейшем встречи проходили часто, в основном в Москве, где формировалась дивизия. В Москве при ПТУ №51 был организован музей дивизии, и встречи проходили при участии училища, которое шествовало над нами. Встречи были очень приятными, находились новые ветераны, было и печально, когда многих не досчитывались. Война и годы брали свое.

Мой сын Илья окончил 8 классов и поступил в техникум. После окончания техникума поступил работать, но вскоре, в 1971 г., был призван в армию, после армии начал работать на металлургическом заводе электриком. Затем перешел работать в монтажную организацию и часто стал бывать в командировках.

В 1976 г. женился, жена Люда. В 1977 г. у них родилась дочь, которую называли Ларисой. Она окончила торгово-экономический техникум в Днепропетровске, но по специальности на работу не устроилась. В 1996 г. вышла замуж. Муж – Ермаков Виктор. В 1997 г. у них родился сын, Владимир.

Александр после окончания 8 классов, окончил техникум по ремонту радиобытовых приборов. Затем отслужил в армии. После армии поступил в институт на вечернее отделение, совмещая учебу и работу. Ездил в командировки. Проезжая через Москву повстречался с девушкой Аллой Александровской, на которой в 1982 г. женился и пе-

реехал жить в Москву. Из института перевелся в Московский заочный политехнический институт. Затем перевелся в Московский институт электронного машиностроения на вечернее отделение, который закончил. В 1984 г. у них родился сын Леонид, а в 1987 г. дочь – Любовь. В настоящее время (2007г.) Леня окончил Московский государственный Технический Университет им. Баумана. Люба учится на 3 курсе в этом же Университете.

В 1980 г. я оформил пенсию, проработав на металлургическом заводе 55 лет. Некоторое время еще работал на заводе, потом стал работать на разных мелких предприятиях. В 1994 г. 5 июня умерла моя жена Рая. Долгое время она лежала, прикованная к постели, после двух инсультов.

В 1990 г., я стал активным волонтером в еврейском общинном движении,.

В 2000 г. репатрировался в Израиль. В Израиле встретился с племянниками старшего брата Шлемы, который выехал в Израиль в 20-х годах двадцатого века. Но общение было очень затруднительным, т.к. они русского языка не знают, а я не знаю иврита. Оба племянника инвалиды, передвигаются на инвалидных колясках. Они старше меня. Здесь в Израиле я так же признан инвалидом войны с нацистами.

За это время ездил в Днепродзержинск и Москву.

60-и ление Победы в Великой Отечественной войне, отмечал здесь в Израиле, хотя день Победы над фашизмом, здесь начали считать официальным праздником только несколько лет назад.

Живу в Израиле в г. Акко. Являюсь членом комитета инвалидов войны.

Аронов Борис Ильич, 2007г.
Акко, Израиль